

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Русская литература

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ

1967 • № 3

ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК

Семенова Г.П.
Г.В. Плеханов и М. Горький.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАД

В ответственный Дач
Теханова

с благодарностью его

личным сотрудникам.

28/XI-67-Г.С.

ИЗ
с 30

Г. П. СЕМЕНОВА

Г. В. ПЛЕХАНОВ И М. ГОРЬКИЙ

Имя Г. В. Плеханова вошло в сознание М. Горького в юности. В автобиографической повести «Мои университеты» он выразительно рассказал о конспиративном чтении в одном из народнических кружков Казани в 1887 году книги Плеханова «Наши разногласия».

«Чтение длится утомительно долго, я устаю слушать, хотя мне нравятся острые и зазорные слова, легко и просто они укладываются в убедительные мысли.

Как-то сразу, неожиданно пресекается голос чтеца, и тотчас же комната наполнилась возгласами возмущения:

- Ренегат!
- Медь звенящая!..
- Это — плевок в кровь, пролитую героями.
- После казни Генералова, Ульянова...»

Юный Пешков не разделял этого возмущения. Может быть, потому его выделил среди остальных и увел с собрания марксист Н. Федосеев, сказав: «Нам надо бы познакомиться. Собственно — здесь делать нечего, шум этот — надолго, а пользы в нем мало».¹

Однако утверждать, что уже с этого времени начинается неуклонный путь будущего писателя к марксизму, нельзя. Работы самих марксистов ему, видимо, были мало знакомы, он судил о них прежде всего на основании выступлений народников. Вот почему когда в 1895 году Горький прочитал статью, направленную против Н. К. Михайловского, он раздраженно заметил: «Написана она языком той площади, с которой пришел в литературу г. Бельтов и К^о. Подла она и грязна».²

Отношение Горького к народничеству не получило еще достаточно полного освещения, но несомненно все же, что в середине 90-х годов народнические иллюзии не были полностью преодолены писателем. Сущность борьбы марксистов с народниками не была понята им сразу. Но уже в начале 900-х годов он навсегда связал свою общественную деятельность с марксизмом, чему способствовало и чтение плехановских работ. Это не значит, как кажется В. Борщук³ и ряду других авторов, что Горький вошел в литературу выразителем интересов революционного рабочего класса без каких-либо народнических увлечений. Старые взгляды иногда давали о себе знать в его произведениях даже после 1905 года. Их находил С. Шаумян в статье «О писателях-самоучках» (1911).⁴ Есть они и в некоторых других произведениях. И при всем том марксистские критики писали о Горьком как о замечательном представи-

¹ М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 13. Гослитиздат, М., 1951, стр. 566 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте).

² А. М. Горький и В. Г. Короленко. Переписка, статьи, высказывания. Гослитиздат, М., 1957, стр. 37 (Бельтов — псевдоним Плеханова).

³ В. Борщук^{ов}. У истоков социалистического реализма. В кн.: Статьи о Горьком. Гослитиздат, М., 1957, стр. 120.

⁴ С. Шаумян. Литературно-критические статьи. Изд. 2-е, Гослитиздат, М., 1955, стр. 45.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград
Д 133РК - 2404/24

Для Плеханова

№ 3139 - ОТТ
ИМБ. КН. N 2

теле новой литературы, так как дело не в отдельных иллюзиях писателя, иногда всплывающих на поверхность, а в том главном, чему он служит, что несет в себе его творчество. С этой точки зрения и определял значение Горького в русской литературе Плеханов.

В первых же печатных отзывах о Горьком Плеханов решительно встал на его защиту от нападок буржуазно-декадентской критики. В статье «О черной сотне» (1906) он с сочувствием писал о горьковской пьесе «Дети солнца», выразившей мысль о том, что, несмотря на заслуги перед народом, интеллигенция во многом сама виновата в существующем разрыве с массами. Справедливость такого вывода Плеханов подтвердил обращением к письмам из России и собственными наблюдениями. Недаром уже в своем первом отзыве он называет Горького «знаком народной психологии».

С этого же времени и Горький начинает пристально следить за литературно-критическими выступлениями Плеханова, которого он до сих пор воспринимал главным образом как политика. В ноябре 1906 года писатель просит И. П. Ладъжникова выслать на Капри брошюру Плеханова «Г. Ибсен».⁵ Интерес Горького к этой работе Плеханова не был случаен. Он высоко ценил пьесы Г. Ибсена. И сейчас, когда не прошло и полгода со дня смерти норвежского драматурга, Горькому было особенно интересно познакомиться с характеристикой его творчества, сделанной выдающимся философом-марксистом. В брошюре об Ибсене Плеханов утверждал, что в начале XX века образцы подлинного героизма и нравственного идеализма рождает освободительное движение рабочего класса и к нему должен быть прикован взгляд писателя, желающего идти в ногу с прогрессом. Работа Плеханова привлекла внимание Горького, по-видимому, и потому, что сам он только что закончил пьесу «Враги», написанную с принципиально новых по сравнению с Ибсеном позиций.

Плеханов нашел во «Врагах» близкие ему мысли о красоте и величии пролетарского духа, о поэзии освободительной борьбы рабочего класса и потому принял пьесу с восторгом, посвятив ей в 1907 году большую статью «К психологии рабочего движения (М. Горький, «Враги»)». Статья была полемически направлена против едва ли не единодушного мнения буржуазной и декадентской прессы о гибели Горького-художника после того, как он взялся за политику. Это была программная статья как для оценки творчества Горького, так и для осмысления путей развития русской литературы XX века. В ней отразилось самое высокое мнение о глубине проникновения писателя в психологию людей из рабочей среды, о качестве художественного воплощения в живых образах сложной темы революционной борьбы. «И, конечно, не потому нравятся мне „Враги“, что они изображают борьбу классов... — писал Плеханов. — Волнение рабочих на заводе, убийство одного из собственников завода, появление солдат и жандармов — во всем этом, конечно, очень много драматического и „актуального“. Но всем этим дана только возможность хорошего драматического произведения. Вопрос о том: перешла ли эта возможность в действительность? А решение этого вопроса зависит, как известно, от того, насколько удовлетворительна художественная обработка интересного материала. Художник — не публицист. Он не рассуждает, а изображает. Тот художник, который изображает классовую борьбу, должен показать нам, как определяется ею душевный склад действующих лиц, как она определяет собою их мысли и чувства. Словом, такой художник необходимо должен быть психологом. И новое произведение Горького так хорошо, что оно удовлетво-

⁵ Архив А. М. Горького, т. VII. Гослитиздат, М., 1959, стр. 148. Брошюра Плеханова вышла в октябре 1906 года в издательстве О. Н. Рутенберга.

ряет даже самому строгому требованию с этой стороны. „Враги“ интересны именно в социально-психологическом смысле».⁶

С неподдельным восхищением отзываясь Плеханов о языке, которым говорят горьковские герои. В неразрывной связи социального и художественно-психологического в творчестве М. Горького Плеханов видел свидетельство того, что талант писателя жив и плодотворен.

Таким образом, к моменту личного знакомства на V (Лондонском) съезде РСДРП (1907) Плеханов и Горький были хорошо осведомлены о литературной и публицистической деятельности друг друга.

Писатель, приглашенный на съезд в качестве делегата с совещательным голосом, приехал в Лондон вместе с Лениным. По воспоминаниям В. А. Десницкого, его большевистские симпатии и связи были хорошо известны, и это дало Плеханову повод в просьбе «Познакомьте же меня наконец с *вашим* Горьким», — резко подчеркнуть слово «вашим».⁷ Но не подлежит сомнению, что Плеханов, несмотря на это, был настроен к Горькому доброжелательно. По словам Р. М. Плехановой, он относился к писателю с симпатией как к «большому инстинктивному революционеру» и «таланту-самородку». Об этом говорят и его письма к жене из Лондона. В одном из них, от 14 мая 1907 года, читаем: «Вчера состоялось открытие съезда. Я открыл его. Говорят, на хорах присутствовал Горький, но я его не видел, иначе сказал бы ему несколько приветственных слов. Пишу тебе только эти строки, потому что у меня нет ни одной минуты свободной...»⁸ В другом письме Плеханов сообщил уже о состоявшемся знакомстве: «Вчера ко мне подошел Горький, который тоже здесь. Я с ним проговорил довольно долго. Он очень интересный человек. Большевиков он ненавидит с фанатизмом ничего не понимающего в политике человека. Мне он наговорил много комплиментов, назвал своим учителем. Просил провести с ним вечер, чтобы поговорить. Я, конечно, согласился».⁹

Но добрые отношения между Плехановым и Горьким на съезде так и не установились. Хотя Горький превосходно понимал, как велики заслуги Плеханова перед партией и рабочим классом, его интерес к нему быстро сменился охлаждением и даже отчуждением. Решающую роль в этом сыграла неприятно поразившая писателя острота фракционных разногласий, резкость полемики меньшевиков с Лениным. Негативное отношение Горького к меньшевикам перешло и на его отзыв о Плеханове, внешнюю культуру и строгость облика которого он начинает рассматривать как проявление «барских наклонностей». В Доме Плеханова в Ленинграде хранится копия горьковского письма к Г. А. Алексинскому (осень 1907 года), в котором Горький признавался, что Плеханов возбуждает в нем «чувство, близкое к отвращению». Об этом же еще на съезде Горький говорил с В. И. Лениным, А. А. Богдановым, В. А. Десницким-Строевым. Но ни один из них не согласился с такой оценкой Плеханова.¹⁰ Решительно возразил Горькому и Алексинский, хотя именно он как большевистский делегат на V съезде особенно яростно громил меньшевиков. «Что касается Вашего резкого отзыва о Г. В. Плеханове, — писал он, — то я, если бы захотел встать на Вашу же почву — не сердитесь, милый Алексей Максимович, — мог бы тоже увидеть в нем „инстинкт — память рода“, т. е. стихийное „отвращение“ „плебея“ к „дво-

⁶ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. 2. Гослитиздат, М., 1958, стр. 496—497.

⁷ В. А. Десницкий. А. М. Горький. Очерки жизни и творчества. Гослитиздат, М., 1959, стр. 195.

⁸ Дом Плеханова, А.90.98, № 10944.

⁹ Цит. по: Б. И. Бурсов. Плеханов и его современники. «Звезда», 1966, № 10, стр. 204.

¹⁰ М. Андреева. Встречи с Лениным. В кн.: В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. Изд. 2-е, Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 328.

рянину". В Плеханове именно ценно, что он, будучи вождем пролетариата и родоначальником социалистического движения в России, не унижается до скрывания своего „благородного“ происхождения... Я часто бываю с Плехановым в разных теоретических вопросах не совсем согласен, но, в противоположность Вам, он вызывает во мне не „отвращение“, а „притяжение“. Ради Маркса, не объясните это тем, что я тоже „неслужащий дворянин“ по отцу и матери...»¹¹

Плеханов и после съезда не переменял к Горькому доброго отношения. Вернувшись в Женеву и рассказывая в кругу семьи о лондонских впечатлениях, он, по свидетельству Р. М. Плехановой, «с большой нежностью говорил о прямоте, немного примитивной, своего любимца».¹²

Поэтому, когда осенью 1907 года к нему обратился рабочий Н. Н. Глебов-Путиловский (Степан Голуб), написавший брошюру «Через плотину интеллигентщины», он направил его к Горькому, возглавлявшему издательство «Знание». В своей книжке Ст. Голуб поднимал вопросы о взаимоотношениях интеллигенции и рабочего класса в революционном движении и о фракционной борьбе в партии. «Если я правильно понимаю т. Голуба, — писал Плеханов в предисловии к брошюре, — то главной отличительной чертой „интеллигента“, зараженного „интеллигентщиной“, является непонимание того, что „освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса“».¹³ Плеханов не преувеличивал достоинств этой работы. Он находил, что автор «в своем восстании против „интеллигентщины“... доходит подчас до того, что бьет по интеллигенции», хотя в целом далек от мысли об изгнании ее из рядов борющегося пролетариата. Оговорив это в предисловии к брошюре, Плеханов все же признал целесообразным опубликовать ее. «Руководясь Вашим советом, — писал ему Голуб уже с острова Капри, — налечь на Горького» в смысле издания брошюры „Через плотину интеллигентщины“, я дал ее Горькому прочитать. Он нашел, что написана „ловко“, но в то же время сознался, что в вопросах тактики „мало понимает“, и передал ее на просмотр Луначарскому. Теперь они изъявили желание издать ее, но готовы сделать это лишь при одном условии — Луначарский напишет к ней небольшое оговорочное послесловие...»¹⁴ Плеханов не согласился на то, чтобы его предисловие публиковалось наряду с таким послесловием. Отказался от затеи и Голуб. «Конечно, — сообщил он Плеханову, — после Вашего письма ни о каком издании брошюры с послесловием Луначарского не может быть мною допущено и речи».¹⁵

Вопрос об отношениях рабочего класса и интеллигенции всегда глубоко интересовал и Плеханова и Горького. Страницы хранящегося в Доме Плеханова экземпляра «Протоколов V съезда», посвященные приемам о специальном рабочем съезде, испещрены многочисленными пометками Плеханова. Осуждение Лондонским съездом РСДРП идеи рабочего съезда он считал «одним из самых ярких примеров недоверчивого отношения „интеллигентов“... и рабочих, поддавшихся влиянию „интеллигентщины“, к самостоятельности рабочих».¹⁶ Об этом эпизоде фракционных разногласий Плеханова с большевиками Горький, видимо, вспомнил, когда писал «Жизнь Клим Самгина». В наброске из второй части он вложил слова «освобождение рабочего класса есть дело самого рабочего класса» в уста зубатовца Гусарова, утверждавшего, что «поли-

¹¹ Дом Плеханова, В.17.16, № 8276. См. также: «Звезда», 1966, № 10, стр. 203.

¹² Там же, АП.14.2, № 11478 (Р. М. Плеханова, Италия и Горький. Машинописная рукопись, стр. 18 — далее ссылки на эту рукопись приводятся в тексте).

¹³ Дом Плеханова, П.9084 (Степан Голуб. Через плотину интеллигентщины. Paris, 1908, стр. VIII—IX).

¹⁴ Там же, В.119.4, № 4160.

¹⁵ Там же, В.119.1, № 1772.

¹⁶ Там же, П.9084 (Степан Голуб. Через плотину интеллигентщины, стр. XI).

тики губят рабочее движение», и призывавшего рабочих гнать «малограмотных студентов». Суслов комментировал это следующими словами: «Мы слышали это до Плеханова, только на месте рабочих стоял народ. Забивать головы рабочих пар<тийными> разногласиями — совестно... Есть, видите ли, честный теоретический уклон и есть измена делу».¹⁷ В окончательном же тексте Горький отказался от критики Плеханова и перенес акцент на искажение его мыслей врагами рабочего класса. В романе Суслов говорит: «Гусаров этот — в сильнейшей агитации, ему там померещилось что-то, а здесь он Плеханова искажал, дескать, освобождение рабочего класса дело самих рабочих, а мы — интеллигенция, ну — и должны отойти прочь...» (т. 20, стр. 376—377).

Плеханова насторожило, что брошюру Голуба с его предисловием Горький отдал для окончательного решения об издании Луначарскому. Ведь Плеханов только что критиковал Луначарского за протаскивание в русскую печать синдикалистских взглядов А. Лабриола.¹⁸ А тут еще А. Богданов опубликовал свое «Открытое письмо т. Плеханову» как автору непримиримых статей против эмпириомонизма. С острова Капри, где обосновались русские махисты, в Плеханова летели одна стрела за другой. Неудивительно, что в такой обстановке отношение его к «каприйцу» Горькому стало холоднее, оно усугублялось и близостью писателя к большевистской фракции. Это в известной степени сказалось на отзыве Плеханова о романе Горького «Мать». Но только ли в этом дело?

На русском языке «Мать» появилась в 1907 году. В апреле началось печатание ее в сборниках «Знания», в июне она вышла в Берлине в издательстве И. П. Ладыжникова отдельной книгой без цензурных урезок. Роман был встречен злобными нападками буржуазно-декадентской печати, которую пугало новое направление горьковского творчества. З. Гиппиус заявила, что «русская социал-демократическая партия сжевала Горького без остатка».¹⁹

Между тем передовые рабочие и интеллигенция зачитывались новой книгой писателя. По свидетельству Луначарского, следившего за распространением романа за рубежом, он скоро стал настольной книгой пролетариата. Как вспоминает О. Матюшина, в России, где сборники «Знания» с повестью Горького были скоро конфискованы цензурой, «публика бегала по магазинам, отыскивая „Мать“. Счастливы, прочитавшие повесть, рассказывали ее содержание, восхищались революционной силой нового произведения Горького. Передавали, что по Питеру даже ходили переписанные экземпляры книги».²⁰ В. И. Ленин прочитал «Мать» перед отъездом в Лондон по рукописи, которую ему дал И. П. Ладыжников. «Мать» особенно нравилась Ленину своевременностью и важностью поставленных проблем, но при встрече с писателем он не умолчал и о недостатках книги. Горькому не раз приходилось слышать, что в этом романе он идеализировал своих героев. Такое мнение разделяли, в частности, В. В. Воровский и А. В. Луначарский. Воровский считал роман тенденциозным и малохудожественным, хотя полностью поддерживал выраженные в нем идеи. Луначарский столь категорических выводов не делал, однако и он находил, что герои романа непривычно расцвечены какими-то бенгальскими огнями.

¹⁷ Из ранних редакций «Жизни Клим Самгина». «Литературное наследство», т. 74, 1963, стр. 144.

¹⁸ В ноябре 1907 года Горький писал Луначарскому: «Статья Плеханова в «М[ире] б[ожем]» направлена не столько против Лабриола, сколько против Вас» (т. 29, стр. 36).

¹⁹ Антон Крайний [З. Гиппиус]. Братская могила. «Весы», 1907, № 7, стр. 58.

²⁰ О. Матюшина. Впечатления и встречи. (Из воспоминаний). В кн.: М. Горький в воспоминаниях современников. Гослитиздат, М., 1955, стр. 292.

Но если не один Плеханов, а целый ряд видных марксистских критиков так или иначе констатировали некоторую тенденциозность в стиле и образах романа, значит, дело не только в меньшевизме, махизме, эстетстве этих критиков, как обычно пишут некоторые исследователи. Убедительное объяснение позиции Луначарского и Воровского находит К. Д. Муратова, отказавшаяся от ставших в данном случае традиционными приемов типа «не поняли», «недостаточно оценили» и от сведения всех причин явления к проблеме тенденциозности в искусстве.²¹ В самом деле, Луначарский и Воровский, считавшие тенденциозными и «Мать» и «Врагов», пьесу приняли более доброжелательно. Плеханов тоже отдавал предпочтение пьесе, но, в отличие от названных критиков, он откровенно восхищался художественными достоинствами «Врагов», а тенденциозность обнаруживал только в «Матери». Нет сомнения, что на всех трех оценках сказалась не только сложность понимания всякого новаторского явления в искусстве, каким явилась горьковская «Мать», но и недостатки, действительно присущие роману. Известно, что и Горький был не вполне доволен книгой, которая создавалась с известной долей спешки и без достаточных материалов под руками. Но упреки в идеализации положительных героев он отвергал самым решительным образом, потому что именно романтический подход к изображению революционных событий и революционных деятелей он считал единственно правильным и нужным. Ведь свою главную задачу в литературе писатель видел в том, чтобы разжигать в яркое пламя искры нового.

До сих пор были известны лишь два кратких упоминания Плеханова о романе «Мать». Из одного из них следует, что Горький, выступивший в романе «как проповедник Марксовых взглядов», для такой роли «совершенно не годится, так как взглядов Маркса он совсем не понимает».²² Содержание другого отзыва аналогично предыдущему. Сославшись на слова Федюка из горьковской «Исповеди»: «Все говорят одно — не годится такая жизнь! Стесняет...», Плеханов заметил в статье «Еще о религии» (1909): «Прибавьте к этому несколько фраз о том, что на земле должна царствовать правда, что человек не должен господствовать над человеком и что поэтому пролетариат должен бороться с буржуазией, — и вы исчерпаете все социалистическое миросозерцание М. Горького. Я категорически утверждаю, что ничего кроме этого не сказал он в своем романе „Мать“, где он выступил в роли проповедника социализма...»²³ Многие критики делают отсюда вывод, будто Плеханов был принципиальным противником проповедования в художественном произведении какого-либо политического учения, в данном случае — марксизма. Это неверно. Плеханов считал необходимым создание прогрессивными писателями XX века таких произведений, которые служили бы «победным кличем всеобщей свободы, истинного равенства и нелицемерного братства».²⁴ В этом отличие его позиции от позиции И. И. Аксельрод, писавшей ему в 1907 году: «Резонерство было именно тем элементом, который мне сильно не нравился в произведениях Горького первого периода. Но если резонер-босьяк был еще несколько выносим, то резонер-рабочий производит неестественное впечатление».²⁵ Для Плеханова дело было не в том, что «резонерством» занимается рабочий, и Горького он упрекает не в проповеди марксизма, а в том, что, с его точки зрения, писатель не до конца разобрался в марксизме, отчего и выразил в малохудожественной форме сочувствие большевистской тактике. «По-моему,

²¹ К. Д. Муратова. Возникновение социалистического реализма в русской литературе. Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 153—159, 233.

²² Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. 1, стр. 132.

²³ Литературное наследие Плеханова, сб. VII. Соцэргиз, М., 1939, стр. 94.

²⁴ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. 2, стр. 185.

²⁵ Дом Плеханова, В.6.37, № 1052.

это из рук вон слабое произведение, — писал Плеханов И. И. Аксельрод 24 июля 1907 года. — Горький захотел здесь *поучать*, а так как он сам *учился* очень мало, то у него²⁶ ровно ничего путного не вышло. Впрочем, уже американские очерки заставляли опасаться того, что Горький собьется „с голоса“. Так и вышло. В „Матери“ все фальшиво.²⁷ Возможно также, что, кроме большевистских симпатий автора «Матери», Плеханова насторожил образ Рыбина с его религиозными идеями. Он был убежден в том, что только «марксизм мог бы вылечить г. Горького... чем ушибся, тем и лечись». В отзывах Плеханова о романе отчетливо проявилось неприятие им большевистской тактики и большевистского понимания марксизма, но в них нет вывода о невозможности соединить в одном человеке писателя и борца, художника и публициста, в чем так часто упрекают Плеханова. Он не считал, что подчеркнутая идея объективно вредит искусству. По его наблюдениям, художественное произведение неизбежно превращается в тенденциозное, когда публицистика оттесняет в нем на второй план правдивую живость образов; в тех же случаях, когда талантливый писатель «до конца» разобрался в проповедуемых идеях, закономерно органическое слияние в его творчестве художественности и идейности.

Примечательно, что если в полемике с самим Горьким Плеханов иногда допускал элементы фракционной борьбы, то все недоразумения такого рода немедленно исчезали, коль скоро в полемику вступали лица, не имеющие отношения к революционному движению или лица, этому движению враждебные. Тут уж Плеханов во всеоружии выступал на защиту Горького, крупнейшего пролетарского писателя XX века. Несмотря на невысокое мнение о глубине социалистического содержания «Матери», именно Плеханов горячо восстал против обвинений Горького в мещанстве, предьявленных ему некоторыми критиками.²⁸ «У Горького много недостатков, — писал он в том же «Предисловии к третьему изданию сборника „За двадцать лет“», где критиковал роман «Мать». — Его с полным основанием можно назвать утопистом; но мещанином его все-таки может назвать только тот, кто... смешивает социализм с мещанством». Плеханов и теперь не склонен был ни отрицать, ни умалять художественный талант пролетарского писателя. В апреле 1908 года он писал И. И. Аксельрод о сотрудниках «Современного мира» М. Неведомском и Е. Ляцком: «Они, кажется, совсем его (Горького, — Г. С.) похоронили, — что, разумеется, ошибочно».²⁹ Плеханов никогда не переставал считать Горького выдающимся писателем нового типа. Он не отказался от этого мнения даже в период наиболее широкой полемики с писателем в 1908 году, когда была опубликована «Исповедь».

После появления «Исповеди» в критике заговорили о возрождении Горького. А. Белый и Д. Мережковский, А. Блок и А. Куприн — каждый по-своему — приветствовали новую повесть как поворот писателя на «единственно правильный путь».³⁰ Не понял отрицательного общественного значения «Исповеди» и критик-меньшевик М. Неведомский.³¹ Горячим сочувствием встретил книгу А. Луначарский в рецензии на XXIII сборник «Знания».

²⁶ В тексте, по-видимому, описка: «у ничего».

²⁷ Дом Плеханова, А.93.12, № 2821.

²⁸ См.: К. Чуковский. От Чехова до наших дней. Изд. 3-е, Пб.—М., 1908, стр. IV; Эллис. Еще о соколах и ужах. «Весы», 1908, № 7, стр. 57.

²⁹ Дом Плеханова, А.93.15, № 12824.

³⁰ А. Белый. 1) Символизм и русское искусство. «Весы», 1908, № 10, стр. 41, 2) На перевале. «Весы», 1908, № 9, стр. 61—62; Д. Мережковский. В обезьяньих лапах. «Русская мысль», 1908, № 1, стр. 75; И. Корецкая. Горький и Куприн. В кн.: Горьковские чтения. 1964—1965. Изд. «Наука», М., 1966, стр. 144—145.

³¹ М. Неведомский. Максим Горький. В кн.: История русской литературы XIX века, под ред. Д. Овсяннико-Куликовского, т. V, М., 1910, стр. 258.

Когда исследователи выясняют причины того, как Горький, автор «Матери» и «Врагов», мог написать «Исповедь», они указывают на сближение его в этот период с махистами и богостроителями. Это верно, но не дает еще ответа на вопрос, почему Горький подпал под их влияние, какие стороны в его мировоззрении сделали это влияние возможным. Первым, кто поставил этот вопрос и правильно на него ответил, был Плеханов.

Каковы же конкретно те предпосылки, которые привели писателя к «Исповеди»? Мысль о том, что революционная пропаганда в широких массах может принести наибольшие плоды, если ей придать религиозную окраску, впервые появилась у Горького, по-видимому, во время его общения с Гапоном в январские дни 1905 года. В. А. Десницкий утверждает, будто Горький с самого начала догадывался о провокаторском характере деятельности Гапона и всячески предостерегал товарищей. Здесь допущено преувеличение. После кровавых событий 9 января Гапон, по воспоминаниям очевидцев, «отсыпался» у Горького, который в этот момент писал о нем в Нижний Новгород: «Его будущее... рисуется мне страшно интересным и значительным — он поворотит рабочих на настоящую дорогу».³² А вечером того же дня Горький сопровождал Гапона на собрание в Вольно-экономическое общество. Писатель связывал большие надежды с крушением веры Гапона в царя, но религиозных иллюзий Гапон не оставлял никогда. Тревожили они и Горького, вскоре найдя художественное воплощение в образе Рыбина («Мать»). Рыбин говорит Павлу Власову: «В церкви нам пугало показывают... Переменить бога надо... очистить его!... Свято место не должно быть пусто... Надо... веру новую придумать... сотворить бога — друга людям... бог в сердце и в разуме, а — не в церкви! Церковь — могила бога» (т. 7, стр. 240—242). В критической литературе прошло незамеченным, что те самые мысли, которые писатель вложил в уста Рыбина, через полтора года легли в основу повести «Исповедь».

После поездки в Америку Горький поселился на острове Капри, куда приехал уже знакомый и полюбившийся ему А. А. Богданов, глава русских махистов. «А [лександр] А [лександрович] очень меня обрадовал своим приездом, — писал Горький в ноябре 1906 года И. П. Ладыжникову. — Знаете — это чрезвычайно крупная фигура, от него можно ждать оглушительных работ в области философии, я уверен в этом! Если ему удастся то, что он задумал, — он совершит в философской науке такую же революцию, как Маркс в политической экономии... Монизм еще не имел столь яркого и глубокого представителя, как Богданов. Он меня — просто с ума сводит! И — страшно радостно».³³ Вскоре Богданов выступил с упомянутым выше «Письмом т. Плеханову» (1907). Плеханов смог взяться за специальный «Ответ г. Богданову» лишь в 1908 году и потому торопил издательство с его выпуском. «Богданов должен умереть сейчас и „sans phrases“», — убеждал он П. Б. Аксельрода,³⁴ так как уже знал, что махисты и богостроители взялись за Горького. В Доме Плеханова хранится черновой автограф неопубликованного «Письма к рабочим о философии». В первых же строках этого поистине страстного монолога Плеханов заявил, что не может и не будет больше молчать именно из-за Горького. «Прежде были теории, — пишет он, — я не отвечал, предоставил философствующей черни нападать на меня сколько угодно. А теперь вы переходите к практике (религии) Луначарского и вы уже заразили³⁵ Горького».³⁶

³² Архив А. М. Горького, т. V. Гослитгиздат, М., 1955, стр. 147.

³³ Архив А. М. Горького, т. VII, стр. 148.

³⁴ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. II. М., 1925, стр. 266.

³⁵ Было: отравили.

³⁶ Дом Плеханова, тетрадь 228, № 5743, стр. 9—11.

В 1907 году Горький сообщал Ладыжникову: «Вести из России — одна другой хуже, но есть и хорошие, как, например, о распространении социализма в Поволжье и о религиозном отношении к нему, то есть об отношении как к религиозной доктрине».³⁷ А в апреле 1908 года он попытался устроить на Капри объединительный съезд-встречу Ленина с Богдановым, Базаровым и Луначарским. В. И. Ленин приехал, но «объявил всем этим 3-м товарищам о безусловном расхождении с ними по философии».³⁸ Горький вел с Лениным горячие споры. «Вернулся в три часа ночи, — записал в дневнике К. П. Пятницкий, — еще спорят».³⁹ И до своей поездки на Капри, и после нее Ленин не раз писал Горькому о том, что в философской полемике он «всецело» на стороне Плеханова. Ленин осуждал Плеханова, когда тот в философскую борьбу вносил фракционные разногласия и связывал богостроительство с большевизмом, но Ленин же горячо поддерживал Плеханова, когда тот, оставая в стороне фракционные разногласия большевиков и меньшевиков, выяснял философские разногласия материалистов и идеалистов. Но Горький еще некоторое время продолжал поддерживать Богданова. «Спор, разгоревшийся между Лениным — Плехановым, с одной стороны, Богдановым — Базаровым и К⁰, с другой — очень важен и глубок, — писал он. — Двое первых, расходясь в вопросах тактики, оба веруют и проповедают исторический фатализм; противная сторона — проповедует философию активности. Для меня ясно, на чьей стороне больше правды...»⁴⁰

В Доме Плеханова хранится экземпляр изданной в Берлине повести «Исповедь», испещренный многочисленными и очень интересными пометками Плеханова. В дальнейшем эти пометки критик использовал в статьях, где в той или иной степени касался «Исповеди» и религиозных исканий вообще. А для статьи «Еще о религии», специально посвященной критике богостроительства Луначарского и повести Горького, эти пометки послужили непосредственной основой.

Тщетно искал Плеханов в новом произведении Горького сколько-нибудь развернутого отражения социалистических идей, картин борьбы пролетариата. Все это, по его замечанию — и в данном случае совершенно справедливо, — сводится в «Исповеди» лишь к размышлениям Федюка: «Все говорят одно — не годится такая жизнь! Стесняет».⁴¹

Было бы, однако, неверно думать, будто Плеханов не увидел в повести ничего, что могло бы вызвать сочувствие. Он никогда не был сторонником того вульгарно-упрощенного мнения, по которому в произведении с ложной идеей не может уже быть ничего интересного. Явно сочувственный характер носят его пометки к высказываниям некоторых героев «Исповеди» против индивидуализма и официальной церкви. Отмечены также наиболее красочные описания природы. В статье «Еще о религии» критик воздал щедрю хвалу художественному мастерству Горького. «В ней (повести, — Г. С.), — писал он, — есть чудные страницы, продиктованные поэтическим сознанием единства человека с природой. В таких страницах громко слышатся гетевские мотивы».⁴² И вместе с тем Плеханов был совершенно прав, когда утверждал, что никакие достоинства не мешают «Исповеди» «быть в последнем счете очень неудачной». Ложная исходная идея сделала повесть «непомерно длинной, выдуманной и местами прямо скучной». Она же внесла в нее целый ряд противоречий. Вот одно из них, обозначенное пометками Плеханова: то Михайло говорит, что бог будет создан лишь в неведомом

³⁷ Архив А. М. Горького, т. VII, стр. 171.

³⁸ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 47, стр. 198.

³⁹ В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы, стр. 378.

⁴⁰ Там же, стр. 42.

⁴¹ Дом Плеханова, Д.6878.

⁴² Литературное наследие Плеханова, сб. VII, стр. 88.

будущем, то вдруг по воле писателя уже в настоящем происходит «чудо» исцеления больной, символизирующее «рождение бога».

А. М. Деборин в письме к Плеханову так объяснял богостроительство Горького: «Мистицизм и религия Горького и Луначарского — не являются ли они порождением скептицизма и недоверия к научному познанию, к разуму». ⁴³ Плеханов смотрел глубже. Прежде всего он очень хорошо знал как раз обратное: неизбежность веры Горького в могущество человеческой мысли. Об этом говорят его пометки на полях горьковской поэмы «Человек». Особенное внимание Плеханов обратил на слова: «Для мысли нет твердынь несокрушимых и нет святынь неизблемых ни на земле, ни в небе! Все создается ею и это ей дает святое неотъемлемое право разрушить все, что может помешать свободе ее роста». ⁴⁴ Не требуется больших усилий, чтобы расшифровать смысл плехановских пометок, — они означают безусловную солидарность с писателем, преклонявшимся перед силой человеческого разума.

Плеханов рассматривал «Исповедь» прежде всего как явление в ряду других аналогичных явлений, в связи с общим усилением после поражения революции 1905 года религиозных исканий. «Что теперь Вы скажете о России? — писал он весной 1909 года В. И. Засулич. — Как нравятся Вам Арцыбашевы с их сквернословием и Мережковские с их религией? Кстати, Луначарский и Горький тоже ударились в религию. Это настоящее умопомрачение». ⁴⁵ Плеханов считал — и совершенно справедливо, — что теории Луначарского и Богданова не оказали бы на Горького такого влияния, если бы не его собственные философские заблуждения, выразившиеся в том, что в его социалистическом сознании оставалось место и для мистицизма. Плеханов был прав, когда говорил, что Горький — подобно удалой Мальве, увлекавшейся житием Алексея — божьего человека, — был непрочь, восхищаясь красотой подвигов, смотреть на них иногда под углом религии. «Именно благодаря этой большой и досадной слабости, — писал критик, — маленькая копна могла подчинить своему влиянию высочайшую гору». ⁴⁶

Одно из доказательств такой слабости Плеханов видел в неумении Горького примирить «свободу действия людей с исторической необходимостью» и в приближении его к взгляду Луначарского на религию как якобы «такое мышление о мире и такое мирочувствование, которое психологически разрешает контраст между законами жизни и законами природы». В самом деле, именно в этом неумении лежат корни сделанного Горьким вывода о том, будто бы Ленин и Плеханов исповедуют теорию исторического фатализма, а махисты и богостроители — более революционную теорию человеческой активности. Аналогичную ошибку Плеханов уже встречал в горьковском рассказе «Тоска» (1896), где безрукий Миша на вопрос: «Значит, человеку некуда податься?» — отвечает: «Ни на вершок! Никому ничего неизвестно... Тьма!» Плеханов не без основания отметил, что и в «Исповеди», написанной много лет спустя, Горький повторяет ошибочную мысль, по которой учение материализма не оставляет человеку свободы. В повести Горького Плеханов оставил пометку «Кепн» (сущность) против слов: «Одна книга меня замучила — говорилось в ней о развитии мира и человеческой жизни. Против Библии написано. Все очень просто, понятно и необходимо, *но нет мне места в этой простоте*, встает вокруг меня ряд разных сил, а я среди

⁴³ Дом Плеханова, В.143.12, № 1854.

⁴⁴ Там же, Д.6877 (М. Горький. Человек. Мюнхен, 1904, стр. 18. С пометками Плеханова).

⁴⁵ Дом Плеханова, А.31.6.

⁴⁶ Литературное наследие Плеханова, сб. VII, стр. 98. Под «копной» Плеханов подразумевает Луначарского, под «высочайшей горой» — Горького.

них как мышь в западне. Читал я ее раза два, читаю и молчу, желая сам найти в ней прореху, через которую мог бы я вылезти на свободу. Но не нахожу». ⁴⁷ По выражению Плеханова, «религия» Луначарского и послужила для Горького дверью, через которую он «спасся» от такого безнадежного вывода.

Еще в 1901 году в лекциях «Материалистическое понимание истории» Плеханов говорил: «...можно ли примирить свободу действия людей с исторической необходимостью? На первый взгляд кажется, что примирить невозможно, что необходимость исключает свободу — и наоборот. Но так кажется только тому, чей взгляд скользит по поверхности вещей, не проникая глубже внешней оболочки явлений. В действительности же, этого пресловутого противоречия, этой якобы антиномии свободы и необходимости, вовсе не существует. Свобода не только не исключает необходимости, но является ее предпосылкой и ее основанием». ⁴⁸ В другом месте Плеханов объясняет, как из области свободы человек естественно и безболезненно переходит в область необходимости. «Из сознательных свободных поступков отдельных людей, — писал он, — необходимо вытекают неожиданные для них, непредвиденные ими последствия, касающиеся всего общества, т. е. влияющие на совокупность взаимных отношений тех же людей». ⁴⁹ Сейчас эти слова легко укладываются в сознании как одна из многих непреложных истин материализма. В конце XIX—начале XX века эта проблема была предметом длительных и жарких споров, деливших людей на два враждебных лагеря: материалистов и идеалистов. Вот почему горьковская ошибка так насторожила Плеханова.

В реферате «Чтения о религии», прочитанном в 1909 году в Женеве, Плеханов охарактеризовал религиозные искания начала века, с одной стороны, как стремление «обуздать» народ с помощью идеи более или менее «личного» бога, которое закономерно ведет к сближению с официальной церковью, с православием. С другой стороны, в этих исканиях он видел желание некоторых представителей интеллигенции обрести хотя бы относительный покой в обстановке обострившейся реакции. Уже в этом реферате Плеханов отделил Луначарского и Горького от богоискателей первого типа, таких, как Минский, Мережковский, Струве, исходивших в своих теориях из анимистических представлений о мире. «Религию» же Луначарского и Горького, далекую от анимизма и от какого-либо стремления «обуздать» народ, он называл «модной игрой», вступив в которую Луначарский, а вслед за ним и Горький, «просто-напросто подделывался к господствующему... общественному настроению» и пил для «заболевшего тоской всероссийского интеллигента» «душегрейку новейшего уныния». ⁵⁰ В основе их «богостроительства», по мнению Плеханова, была «разогретая ошибка Фейербаха», который писал в «Сущности религии»: «Вино в кровь, хлеб в плоть превращает воображение. Вера верит в чудо, ведь вера и вера в чудо одно и то же; вера не связывает себя законами природы; вера свободна, неограничена». ⁵¹ Плеханов сопроводил эти слова пометкой «Горькому». Здесь истинная религия с ее традиционными атрибутами уступает место неограниченному полету фантазии, здесь «верю» приближается к «люблю», а «религия» к «любви». Образец подобного толкования религии и дал в своей «Исповеди» Горький, предполагавший с ее помощью объединить на борьбу широкие народные массы, вплоть до самых отсталых.

⁴⁷ Дом Плеханова, Д.6878, стр. 161. Курсивом выделены слова, подчеркнутые в книге Г. В. Плехановым.

⁴⁸ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXIV, ГИЗ, М.—Л., 1927, стр. 365.

⁴⁹ Там же, т. VII, стр. 146.

⁵⁰ Литературное наследие Плеханова, сб. VII, стр. 85.

⁵¹ Там же, стр. 305.

Увлечение Горького богостроительством Плеханов объяснял в значительной степени обманчиво социалистической терминологией новых искателей, на которую поддался писатель. Об этом говорят его пометки на страницах 148, 154 и 156 повести. В «Письмах к рабочим о философии» Плеханов связал религию Луначарского с «декадентским стремлением к *мифу*».⁵² Такого рода стремления он считал «ложной и беспомощной попыткой „мыслящей интеллигенции“ приобщиться к народу путем широкого допущения анимистических представлений о мире». Перед Горьким, разумеется, не стояло проблемы «приобщения» к народу, а у Луначарского не было пристрастия к анимизму. Но Луначарский провозгласил богом Человека — и это привлекло «певца подвигов». Плеханов был прав, когда говорил, что Горький не докапывается до сути богостроительской теории, а «слышит одни сладкие слова» и привлеченный ими называет «религиозным» типичное «общественное чувство». Вот почему вся его «религия» представляет собой «одно моральное возбуждение и обнимает призрак». Плеханов, конечно, понимал, что такое увлечение не может быть долговечным.

От увлечения теориями Богданова Горький отказался уже в 1910 году. Иллюзии, отразившиеся в повести «Исповедь», держались в нем несколько дольше. В октябре 1911 года он писал В. Е. Чешихину-Ветринскому: «Что я считаю наиболее ценным в своей литературной деятельности? Не понимаю вопроса... Впрочем, могу сказать, что „Исповедь“ и „Кожемякин“ кажутся мне наиболее ценными социальными».⁵³ А летом 1913 года в личной беседе с Плехановым Горький, по воспоминаниям Р. М. Плехановой, сказал: «Строго Вы, Георгий Валентинович, отнеслись к моей „Исповеди“. Здорово пробрали меня». Когда же Плеханов ответил, что иначе не мог, но готов написать по-другому, если Горький оставил богостроительские иллюзии, писатель отказался: «Не надо, пусть так» (стр. 8—9).⁵⁴ Было бы неверно понимать эти слова непременно как защиту Горьким теорий Богданова и Луначарского. В них чувствуется скорее другой оттенок: сознание того, что новая статья все равно не перечеркнула бы существования старой, критической, как сами новые взгляды не уничтожают памяти о прежних взглядах и ошибках. Но к 1913 году относится и другой пример, уже явно свидетельствующий о том, что в это время Горький еще не до конца освободился от иллюзий 1907—1908 годов. Имеются в виду высказанные им в статье «Еще о карамазовщине» мысли о необходимости лишь на время оставить богостроительство, что вызвало справедливый протест Ленина.

Существует мнение, что в критике горьковских ошибок Плеханов принципиально отличался от Ленина, так как поучал писателя «свысока, а не как товарищ по оружию».⁵⁵ Это противоречит фактам. По свидетельству Р. М. Плехановой, в Горьком Плеханов «сразу почувствовал большого инстинктивного революционера и был требователен к его революционному мирозерцанию. Увлечение Горького мистикой, „богостроительством“ сильно волновало Георгия Валентиновича, вызвало с его стороны строгую критику „Исповеди“, произведения, в котором мистический элемент в мировоззрении Горького дошел до кульминационного пункта. Но эта строгая критика не мешала Плеханову питать к талантливому самородку нежные чувства» (стр. 16). И действительно, даже в наиболее резких отзывах о Горьком, в частности об его «Исповеди», Плеханов постоянно подчеркивает громадное значение Горького как

⁵² Дом Плеханова, тетрадь 228, № 5743, стр. 14—15.

⁵³ Новое и забытое, кн. 1, Изд. «Наука», М., 1966, стр. 116 (Гос. Литературный музей).

⁵⁴ См. также: «Звезда», 1966, № 10, стр. 206.

⁵⁵ Б. С. Мейлах. В. И. Ленин и проблемы русской литературы конца XIX—начала XX века. Изд. 2-е, Гослитиздат, М.—Л., 1951, стр. 279.

«поэтического Буревестника» пролетариата, его замечательного художника.

Плехановский разбор «Исповеди» не свободен от отдельных ошибок. В критической литературе уже указывалось, что богостроительство Лунначарского—Горького Плеханов неверно связывал с излишним, по его мнению, романтизмом большевистской тактики. Но это не заслоняет того значения, которое имела его статья «Еще о религии» и другие выступления, посвященные религиозным исканиям и повести «Исповедь». А решение Плехановым вопроса о причинах и корнях религиозных заблуждений писателя — образец историко-материалистического анализа. Понять и объяснить ошибки Горького в 1907—1908 годах очень не просто — легко ограничиться утверждением, что писатель «подпал под влияние» определенных лиц, как это и делают до сих пор некоторые авторы. Плеханов считал Горького писателем, с которым не только можно, но и нужно говорить «напрямик», «без изгибов». И он говорил слова, иногда, быть может, резкие, зато действительно полезные, потому что им руководило не стремление порицать, а желание помочь писателю в преодолении заблуждений. Можно с уверенностью сказать, что плехановский разбор «Исповеди» — лучшее, что было написано об этом произведении.

Имя Плеханова часто мелькает в переписке Ленина и Горького, но особенно много оно упоминается в письмах 1908—1911 годов. Это и понятно. Плеханов развернул деятельную борьбу с махистами и богоискателями, которая не могла не встретить сочувствия В. И. Ленина. 1910—1911 годы были временем наибольшего сближения Плеханова с большевиками и совместного наступления на отзовистов и ликвидаторов, о чем Горький знал по письмам Ленина и что, по-видимому, в немалой мере способствовало возникновению у него идеи собрать за границей несколько представителей от большевиков и меньшевиков «для выработки плана объединения вокруг какого-нибудь органа».⁵⁶ Возможно также, что в 1910 году Горький думал лично повидаться с Плехановым, о чем косвенно говорит его хорошая осведомленность о переездах Плеханова.⁵⁷ Именно этим потеплением личного отношения вызвано то, что в конце 1911 года Горький послал Плеханову, с которым до тех пор не состоял в переписке, свою повесть «Жизнь Матвея Кожемякина» и попросил сообщить впечатления от книги. Плеханов был тронут и не скрыл этого в своем большом и теплом ответном письме.

Он читал обе повести «окуровского цикла» Горького — «Городок Окуров» и «Жизнь Матвея Кожемякина». О первой из них упоминается в его заметке о международном социалистическом конгрессе в Копенгагене, написанной им в момент сближения с большевиками. «Нужно, чтобы, как звезды в небе, человеку ясно были видимы огни всех надежд и желаний, неугасимо пылающие на земле», — писал Горький в «Городке Окурове». Свою заметку Плеханов начал этими «прекрасными словами нашего талантливого писателя».⁵⁸ Интересно, что он вспомнил их в связи с мыслями о романтизме и нравственном идеализме освободительной борьбы рабочего класса.

Письмо Плеханова Горькому с отзывом о «Жизни Матвея Кожемякина» широко известно. В новой повести, как и в пьесе «Враги», Плеханову особенно понравилось органическое слияние самой серьезной социологии с самым тонким психологизмом. Отсюда его скептическое отношение к неблагоприятным отзывам о книге буржуазно-декадент-

⁵⁶ В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы, стр. 67.

⁵⁷ «Я был только в Италии, — сообщал Плеханову Н. Иорданский осенью 1910 года, — и надеялся увидеть Вас или в Венеции или в Сан-Ремо, но, как мне сказал Горький, Вы уже уехали в Швейцарию» (Дом Плеханова, В.188.39, № 2205).

⁵⁸ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XVI, стр. 353 (первоначально опубликовано в «Социал-демократе», 1910, № 17).

ской печати и уверенность в том, что причины подобных отзывов следует искать не в повести, а в нежелании буржуазии простить писателю его приверженность к социализму. Мысль Плеханова о глубине и важности социологического содержания повести совпала с мнением самого Горького, который в письме к В. Е. Чехихину-Ветринскому назвал «Жизнь Матвея Кожемякина» одной из наиболее ценных в социальном отношении своих книг. Очевидно, писатель это как-то отметил для себя.

Плеханов всегда проявлял большой интерес ко всему, что печатал Горький. В его личной библиотеке немало горьковских произведений: «Старуха Изергиль», «Макар Чудра», сказка «Товарищ», «Песня о Буревестнике», «Песня о Соколе», поэма «Человек», «Фома Гордеев», «Трое», «Дачники», «Варвары», «Исповедь», цикл рассказов «По Руси». Некоторые из них испещрены плехановскими пометками. После обмена письмами внимание Плеханова к Горькому и его творчеству еще больше усиливается. Он запрашивает самых разных людей об их впечатлениях от встреч с писателем и от его произведений. Отвечая на такой вопрос, побывавший у Горького Е. А. Ляцкий сообщал в 1912 году: «Горького я застал бодрым, успешно работающим. Он прочел одну из своих „сказок“ на тему „проходящие в жизни“, которая мне показалась великолепной. К „Современнику“ он отнесся очень ласково, можно сказать — сердечно, обещал принять в ближайшем будущем самое непосредственное участие. Что меня особенно порадовало в нем, так это его преклонение перед европейской культурой, и мы долго говорили с ним о том, как бы Вы могли помочь нам, знакомя русскую публику с новейшими течениями в европейской науке, особенно в философии. Хорошо бы в самом деле русского читателя приблизить к работе и исканиям европейской мысли, а то уж слишком он варится в собственном соку, в своем недовольстве, в своих неурядицах, в своей безысходности. Хотелось бы иметь побольше статей об европейской культуре и жизни, хотелось бы иметь побольше указаний на хорошие книги хотя бы в форме кратких реферированных изданий».⁵⁹ Деятельность журнала «Современник» и возможности его реорганизации были предметом разговора Плеханова и Горького в 1913 году во время их встречи на Капри. О результатах этой беседы Горький с удовлетворением писал И. П. Ладыжникову.

Начиная с 1909 года Плехановы проводили зиму на Ривьере в Сан-Ремо. Обычно в мае они уже покидали Италию. Но в 1913 году ранней весной Плеханов заболел, что вместе с другими непредвиденными обстоятельствами заставило его задержать отъезд. По выздоровлении он решил показать жене юг Италии. Предполагалось осмотреть Рим, Неаполь и его окрестности, подняться на Везувий и съездить на остров Капри. Визит к Горькому в план восьмидневного путешествия не входил. Но однажды, когда Плехановы отдыхали после экскурсии в Помпею, к ним пришла Е. П. Пешкова и от имени Горького пригласила их погостить на Капри. «Мы не заставили себя просить, — вспоминает Р. М. Плеханова. — Георгий Валентинович, который любил и ценил Алексея Максимовича как художника, рад был случаю с ним встретиться» (стр. 7). Встреча была теплая, в течение двух дней до глубокой ночи велись нескончаемые беседы об Италии и нравах итальянцев, о Неаполе и его художественных богатствах, о социалистическом движении и об итальянских социалистических лидерах, о русской литературе и религиозных исканиях, о политических и партийных делах.

Р. М. Плеханова пытается объяснить теплоту этой встречи тем, что Горький «находился тогда... в периоде идеологического перелома: он не одобрял большевиков, был решительно против ликвидаторов и, видимо, склонялся к взглядам Георгия Валентиновича» (стр. 9). Это не со-

⁵⁹ Дом Плеханова, В.272.4, № 2632.

ответствует действительности. Причина большого внимания и гостеприимства, оказанного Горьким Плеханову, была в обратном — в сближении Плеханова с большевиками и в надеждах, которые в связи с этим на него возлагал Горький.

О чем бы ни заходил у них разговор: о литературе, о политике или о последних достижениях естествознания и техники, — всякий раз хозяин поражал гостей своим умом и начитанностью. «Мы не знали Горького, для нас это было откровением», — признавалась Р. М. Плеханова. Плеханов же вскоре написал Горькому: «Я видел много людей, но редко я выносил из встреч с ними такой запас бодрости, какой вынес я из последней встречи с Вами. Будьте здоровы, это все, чего можно пожелать Вам, — все остальное у Вас есть: талант, образование, энергия, светлая вера в будущее и прочие, этим подобные, неоцененные блага. Живите еще долго и долго и обогащайте нашу художественную литературу Вашими произведениями».⁶⁰ Это письмо — отнюдь не простая дань вежливости. Плеханов был очень требователен к людям, поэтому его восторженный отзыв о Горьком приобретает особенную значительность.

Визит Плеханова не прошел бесследно и для Горького, писавшего ему после отъезда: «...я очень тронут и ободрен Вашим отношением ко мне, и — Вы представить себе не можете, как дорого и важно мне именно теперь хорошее, человецье слово» (т. 29, стр. 309). Горький задумал привлечь Плеханова к работе в проектируемом им новом издательстве, а также в журнале, о чем сообщил А. Н. Тихонову.⁶¹ В письме же И. П. Ладыжникову он поделился своим впечатлением от встречи: «Здесь — все по-старому, кроме одной крупной новости: был у меня Плеханов. Свидание очень интересное, кажется, мы установим хорошие отношения, говорили о многом, откровенно и подробно... Находит и возможной и естественной гегемонию в России социалистической идеологии. Вообще — все было очень недурно. Лично он мне понравился, и мне кажется, что с ним можно пиво варить новое».⁶²

Вскоре Плеханов получил от писателя посылку с «Записками проходящего» («По Руси») и «Хозяином». Кроме того, еще на Капри Горький дал ему для чтения ряд нужных книг. По просьбе Плеханова он присылал книги и позднее, в частности потребовавшиеся для работы над «Историей русской общественной мысли» «Записки Желябужского», «Записки адмирала А. С. Шишкова», сочинения О. И. Сенковского и др.

Вернувшись в конце 1913 года в Россию, Горький сразу написал Плеханову о своих впечатлениях: «Резко и очень к лучшему изменился тип рабочего, — с каким напряжением учатся люди, как стойко выносят „неудобства русской жизни“» (т. 29, стр. 323). Между прочим он сообщил, что русские рабочие жалуются на отсутствие серьезной литературы и ждут книгу Плеханова. По всей вероятности, он имел в виду «Историю русской общественной мысли», опубликованную в 1914 году. В начале 1915 года Горький приобрел ее для своей библиотеки.⁶³

Незадолго до отъезда на родину, осенью 1913 года, в одном из писем Плеханову Горький высказал свои соображения о назревавшей мировой войне. «Ведь несомненно, — писал он, — что нас снова собираются бить, что столкновение с Австрией — неизбежно... Я думаю, что будущая война не принесет нашей демократии и той малой пользы, которая дана была японской войной, напротив: можно ожидать, что сильно разовьется национализм и патриотизм, которым ослепят очень многих. Может быть,

⁶⁰ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXIV, стр. 342.

⁶¹ Горьковские чтения. 1953—1957. Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 44—45.

⁶² Архив А. М. Горького, т. VII, стр. 223.

⁶³ Летопись жизни и творчества А. М. Горького, вып. 2. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 485.

я ошибаюсь, путаю, но — таковы впечатления, приходящие и привозимые из России. Возможно, что я неверно делаю выводы, возможно...»⁶⁴ Эти строки помогают понять позицию, занятую писателем в дальнейшем. Становится особенно очевидной вся случайность подписания им обращения к цивилизованному миру «От писателей, художников и артистов», названного Лениным «поганой бумажонкой российских либералишек».⁶⁵ И ясно, почему Горький сразу осознал фальшь сделанного шага и уже в статье «Несвоевременное» (1914)⁶⁶ заявил, что не тевтонская народность — главный враг народов России, а русский царизм и буржуазия, с которой надо не объединяться, а продолжать борьбу.

Иную позицию во время войны занял Плеханов, призывавший русский народ к защите отечества и временному прекращению классовых битв внутри страны. Оборонческие идеи лежали в основе его брошюры «О войне» (1914); они же звучали со страниц газеты «Единство», с 1914 года выходившей в Петрограде и редактируемой Плехановым из-за границы. «Из России нам писали, — вспоминает Р. М. Плеханова, — что большинство социал-демократов стоит на точке зрения борьбы с немецким империализмом и защиты родины... Писали нам также, что М. Горький разделяет эту точку зрения».⁶⁷ Поэтому через сотрудника газеты И. П. Флеровского Горький был приглашен участвовать в «Единстве». Но отношение его к войне было иным, цель же самой газеты вызвала у него скептическое отношение, и он отказался.⁶⁸ «Словесное объединение в большой моде, — сообщал он А. В. Амфитеатрову, — даже газету завели на сей предмет — но она выходит единожды в неделю и что объединится в день выхода ее — в остальные шесть — разъединяется по всем швам».⁶⁹

В конце 1915 года Горький осуществил издание антивоенного журнала «Летопись». По свидетельству К. И. Чуковского, «тогда среди черносотенцев установилась мода — посылать „пораженцу“ Максиму Горькому петлю, чтобы он мог удавиться».⁷⁰ В первом же номере журнала было помещено сатирическое «Письмо в редакцию» — «Нужны ли убеждения?», подписанное «Одним из недоумевающих» и посвященное критике плехановских взглядов на войну. В «Письме» говорилось, что не К. Маркс, а «лукавый лакей Смердяков нашептал Георгию Валентиновичу эту хромую, эту, словно на костылях ковыляющую, защиту отечества». Однако, несмотря на резкость выводов, фельетонист отметил, что военная тактика Плеханова производит впечатление трагического недоразумения. «И ведь ясно, — писал он, — что не свои слова он здесь говорит. Подлинный, не мудрствующий лукаво, крепкий патриотизм чувствуется всюду между строк, прорывается местами и на самые строки...» До сих пор невозможно с полной уверенностью назвать автора фельетона. Предполагается, что его написала группа сотрудников журнала, среди которых был и Горький. Записки Р. М. Плехановой кое-что разъясняют в этой истории, сужая количество авторов до двух — Базарова как непосредственного автора и Горького как принимавшего участие.

Фельетон и особенно слухи о причастности к нему Горького произвели на Плеханова тяжелое впечатление, которое к тому же всячески

⁶⁴ Литературное наследие Плеханова, сб. VI, стр. 405.

⁶⁵ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 49, стр. 24.

⁶⁶ Статья была запрещена цензурой и впервые опубликована лишь в 1931 году в журнале «Красный архив» (т. 45, стр. 83).

⁶⁷ Дом Плеханова, АП.13.15, № 11475 (Р. М. Плеханова. Воспоминания о Горьком. Вставка).

⁶⁸ Летопись жизни и творчества А. М. Горького, вып. 2, стр. 438.

⁶⁹ А. Овчаренко. Публицистика М. Горького. Изд. 2-е, «Советский писатель», М., 1965, стр. 314.

⁷⁰ К. Чуковский. Из воспоминаний. «Советский писатель», М., 1959, стр. 236.

углублялось под влиянием заинтересованных в этом корреспондентов и людей, близких к Плеханову. «Сообщите, — просил Г. А. Алексинский в марте 1916 года, — что Вы об этом думаете, без замедления. Надо ли рассматривать выходку „Летописи“ как подлость, выходящую за пределы политической и литературной полемики (я склонен ее именно так рассматривать) и если да, то не надо ли подвергнуть бойкоту всех тех господ из „Летописи“, кто с этой выходкой солидаризировался, хотя бы только молчанием?»⁷¹ Издатели и редакторы предлагали Плеханову страницы своих газет и журналов для ответа на фельетон и оценки позиции, занятой горьковской «Летописью». Н. И. Иорданский еще раньше предупреждал его: «Сейчас наши и ваши противники группируются вокруг Горького. Конечно, главные силы будут направлены на Вас... было бы хорошо дать им организованный отпор, так как пораженчество — гнусный яд, отравляющий всю русскую жизнь. Я жду Ваших рукописей...»⁷² Такого рода письма постепенно делали свое дело. Плеханов, сначала наотрез отказавшийся отвечать «анониму», через некоторое время, по-видимому, все же решил опубликовать специальную статью. «Сейчас он, — сообщал Н. Фундаминский Г. Алексинскому, — собирается писать против Горького и „Летописи“... (статью, — Г. С.), которую он уже обдумал».⁷³ Возражая на речь о мире, произнесенную в Думе депутатом Чхеидзе, Плеханов заметил: «Я наперед знаю, что возражения эти не поправятся кое-кому из людей, à tort ou à raison считающих себя принадлежащими к крайнему левому лагерю. Возможно даже, что за них какой-нибудь „неграматикальный“ аноним опять выругает меня... при ближайшем или просто близком участии Максима Горького. Если эта вторая возможность перейдет в действительность, то мне будет больно... за Горького, художественный талант которого я очень уважаю».⁷⁴

Несмотря на прервавшиеся личные отношения, Горький продолжал с интересом следить за общественной и литературной деятельностью Плеханова. Осенью 1916 года до него дошли слухи, будто «сам Г. В. Плеханов» обещал участвовать в новой газете «Русская воля», о которой уже стало известно как о министерско-банковском предприятии. Писатель не хотел верить этим слухам, о чем и сообщил В. Г. Короленко.⁷⁵ Тот в свою очередь выразил уверенность, что, узнав с газете правду, Плеханов не станет в ней работать. Горький был искренне рад, когда Плеханов прислал телеграмму с отказом от сотрудничества, и тотчас же написал Короленко: «Это — очень приятно».⁷⁶

В апреле 1917 года Горький приветствовал возвращение Плеханова на родину после тридцатисемилетней вынужденной эмиграции. «Уважаемый Георгий Валентинович! — писал он. — Я искал Вас в Европейской гостинице, звонил к Иорданскому, но — безуспешно».⁷⁷ Мне хотелось

⁷¹ Дом Плеханова, В.17.6, № 1274.

⁷² Там же, В.188.52, № 2218.

⁷³ Там же, В.443.5, № 8274.

⁷⁴ «Дневник Социал-демократа», Пгр., 1916, № 1, стр. 6.

⁷⁵ А. М. Горький и В. Г. Короленко. Переписка, статьи, высказывания, стр. 75.

⁷⁶ Там же, стр. 80.

⁷⁷ После трудной дороги Р. М. Плеханова старательно ограждала мужа от посетителей. Именно поэтому, вспоминает она, «мы не воспользовались любезностью городских властей, приготовивших для нас комнаты в Европейской гостинице, а приняли предложение гостеприимной семьи Н. И. Иорданского захватить к ним. Но и там Георгию Валентиновичу не давали возможности отдохнуть с дороги... Рано утром мы были разбужены звонком в телефон. Н. И. Иорданский (спасибо ему за это) всячески защищал мужа от покушений посетить его в первое же утро. За первым звонком последовал другой, третий. Затем без конца раздавались звонки у входных дверей» (Дом Плеханова, Р. М. Плеханова. Год на родине (Отрывок из воспоминаний), стр. 72—73). Очевидно, и Горький не мог встретиться с Плехановым по этой же причине.

поздравить Вас с приездом в Россию, а кроме того „Организационный комитет свободной ассоциации ученых“ поручил мне просить Вас пожаловать на публичное собрание Комитета и — если это не затруднит Вас — принять участие в заседании. Очень извиняюсь, что принужден известить Вас об этом письменно, а не лично, но Вы, вероятно, поверите мне, если я скажу, что не имею решительно ни минуты свободной. Приглааю для Вас и для Ваших близких билеты и желаю Вам всего доброго! А. Пешков».⁷⁸ Возможно, это письмо было бы теплее, если бы не размолвка. Но Плеханов, по свидетельству жены, не огорчился тем, что встреча не состоялась, — до сих пор не изгладилась его обида на Горького как на одного из авторов фельетона.

Дружеские отношения между Плехановым и Горьким не восстановились и в дальнейшем: взгляды на войну оставались различными, так же как и программы редактируемых ими газет — «Единства» и «Новой жизни». Ленин не раз критиковал горьковскую газету за неверные политические выступления и ложные иллюзии. «Нет, нет, не беритесь-ка лучше за политику, граждане из „Новой Жизни!“ — писал он.⁷⁹ Критиковал «Новую жизнь» и Плеханов, но по иным причинам. Ведь он оставался категорическим противником переговоров с немцами и требовал ведения войны до победного конца, без чего не считал возможным сохранить завоеванную в феврале свободу. Горький же был убежден в необходимости срочного мира, хотя и не представлял достаточно четко возможностей его заключения. Вот почему Плеханов относился к его газете как к изданию большевистскому. «Ближе всего она к „партии“ Ленина»,⁸⁰ — писал он в статье «Они правы». Плеханов считал, что тактика поражения, которой придерживались Горький и его сотрудники, а затем выдвинутое ими требование немедленного мира ведет страну и революцию к гибели. Отсюда высказанное им в статье «Изумительная логика» мнение о том, что писатель из Максима Горького «к сожалению, все больше и больше превращается в Максима Нерассудительного».⁸¹

Однако и в этой статье, как всегда у Плеханова, мы находим доказательства того, что он никогда не переставал ценить художественное мастерство Горького и его близость к освободительному движению рабочего класса. И здесь Плеханов называет писателя «истинным талантом» и «настоящим революционером». А его заметка «Эстетика и „Новая жизнь“» (1917) говорит о том, что, несмотря на остроту полемики, он как-то выделял Горького среди авторов «Летописи» и «Новой жизни» и видел возможности его отказа от сотрудничества с публицистами вроде Базарова. «Г. Максим Горький, — писал Плеханов, — высказывает в „Новой Жизни“ ту мысль, что „одной из первых задач момента должно бы явиться возбуждение в народе — рядом с возбужденными в нем эмоциями политическими — эмоций этических и эстетических“. Против этого трудно спорить. Но в „Летописи“ доказано было, как дважды два четыре, что марксист изменяет себе, заговаривая о *нравственности*. А что касается *эстетики*, то, раз начав принимать в соображение ее требования, г. Горький скоро вынужден будет, пожалуй, коренным образом обновить состав своих сотрудников, совершенно неспособных приносить жертвы грациям. Ведь самое это противопоставление марксизма нравственности, будучи совершенно нелепым в теории, составляет в то же время смертный грех против эстетики».⁸²

⁷⁸ Дом Плеханова, В.135.5, № 4564.

⁷⁹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 337.

⁸⁰ «Единство», 1917, № 39, 14 мая.

⁸¹ Там же, 1917, № 47, 25 мая.

⁸² Там же, 1917, № 36, 11 мая. Заметка без подписи. Авторство Плеханова подтверждается автографом, хранящимся в Доме Плеханова (Р.35.3в, № 6217). Плеханов имел здесь в виду помещенную в «Летописи» статью В. Базарова «О конеч-

Позднее, вспоминая о сложных отношениях с Плехановым, Горький подвел им итоги в очерке «В. И. Ленин» и в целом ряде публицистических выступлений. В своих воспоминаниях писатель не касается деятельности Плеханова как литературного критика, а говорит о нем как о политике и человеке, противопоставляя его Ленину. Не со всем, что написал здесь Горький о Плеханове, можно согласиться, особенно если привлечь свидетельства других лиц, в первую очередь тех, кто на протяжении долгих лет знал Плеханова близко и делил с ним тяготы эмиграции. Некоторые из этих воспоминаний опубликованы в сборниках «Группа „Освобождение Труда“». Но каждый мемуарист, рассказывая о том, что знал и видел, неизбежно оставляет следы собственных впечатлений и оценок и порой в неожиданном свете трактует всем известные факты. Преодолеть такую тенденцию трудно, да от мемуариста это не всегда и требуется. Часто бывает интересна именно личная окраска виденного и пережитого. Очерк Горького по своей значимости выходит далеко за рамки обычной мемуарной литературы, и это позволяет ждать от него максимальной объективности. Но писатель сам признается, что в характеристике личности Плеханова он, возможно ошибается — однако таково было его впечатление от Плеханова на V съезде партии и таким он его приводит. Как мы видели, это подтверждается его суждениями о Плеханове в 1907 году.

Но ведь известны и иные, более поздние, впечатления Горького — встреча с Плехановым на Капри и переписка с ним. Все это писатель опустил в своем очерке, поэтому воспоминания о Плеханове в известной мере избирательны и односторонни. По-видимому, это было вызвано сопоставлением Плеханова с В. И. Лениным, которого Горький горячо любил и ценил. До последних дней жизни его не покидало восхищение Лениным как историческим деятелем и человеком. «Ленин совершенно чужд увлечению своей властью, — писал Горький Г. Уэллсу в 1920 году. — По натуре он — пуританин, он живет в Кремле так же просто и скромно, как жил в Париже, будучи эмигрантом. Это очень крупный человек и честный человек. Он играет в России роль грандиозного плуга, который неустанно пашет землю засоренную, неплодородную...»⁸³ Ленин играл огромную роль в жизни Горького как писателя, так и революционера. Горького не могло не привлекать то, что занятый до предела В. И. Ленин находил время следить за его творчеством, отвечать на все его недоумения и сурово, но всегда дружески критиковать за ошибки и минуты пессимизма. Это были отношения друзей, поддерживаемые и постоянными перепиской, и частыми личными встречами.

Плеханов также сыграл немалую роль в творческой биографии Горького, но отношения с ним не перешли в близость. Плеханов — человек и политик — до некоторой степени остался Горькому чуждым. В то же время о Плеханове как философе и литературном критике писатель отзывался с неизменным уважением.

Оглядываясь на путь, пройденный советской литературой и публицистикой, Горький ставил Плеханова на первое место в ряду выдающихся марксистских критиков и философов. Он считал его тонким критиком, у которого могли бы многому научиться современные авторы. «Критики и рецензенты, — писал Горький, — весьма часто относятся к литератору, как силачи к деревянной голове турка... Весьма воз-

ных целях», объявившую, что марксизм не дает человеку «никакого миросозерцания» и ничего нового не может внести в понятие нравственности, ибо не способен «превзойти основы буржуазной морали, как в ее прежних классически-либеральных, так и в ее теперешних упадочно-националистических формах» («Летопись», 1917, январь, стр. 184). В адрес Плеханова, доказывавшего обратное, Базаров сделал в статье грубейшие выпады.

⁸³ В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы, стр. 234.

можно, что наши критики — люди идеологически отлично вооруженные, но, видимо, что-то мешает им изложить с предельной ясностью и простотой учение диалектического материализма в его применении к вопросам искусства. Орудую цитатами из Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина, они обычно затемняют смысл этих цитат огромным количеством крайне серых слов» (т. 26, стр. 50—51). Образцом действительно правильного материалистического освещения искусства Горький считал книгу Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». В статье «О литературе» (1930) писатель заявил: «Не кажется мне, что критика наша за десять лет ушла по прямой линии дальше Плеханова и Ленина. И уже есть немало случаев, когда она уходила далеко в чужую сторону» (т. 25, стр. 261). В других статьях («О том, как я учился писать» (1928) и «Письма начинающим писателям» (1930)) он рекомендовал книгу Плеханова для тщательного изучения.

Очень настораживало Горького замеченное им у многих молодых критиков стремление подменить анализ художественных произведений политическим разномом. «Обычно критические статьи сводятся к порицанию, а не к воспитанию автора, и речь в них ведется не о методе организации опыта, а о политической физиономии писателя, — говорил Горький. — Но политические взгляды будут пришиты молодому автору извне, усвоены механически, повиснут в воздухе, если опыт автора не организован методологически, если его эмоции не гармонируют с его интеллектом» (т. 26, стр. 51). Плеханов, один из наиболее ярко выраженных критиков-философов и критиков-социологов, никогда не игнорировал эстетическую сторону анализа литературных произведений. Защищаемые им два акта материалистической критики требуют тщательного изучения как социологического эквивалента, так и художественной формы произведения искусства. Плеханов предупреждал: «Стремясь найти общественный эквивалент данного литературного явления, критика эта изменяет своей собственной природе, если не понимает, что дело не может ограничиться нахождением этого эквивалента, и что социология должна не затворять двери перед эстетикой, а напротив, настежь раскрывать их перед нею».⁸⁴ Горький высоко ценил эти качества плехановской критики. Он настойчиво советовал молодым авторам поучиться у Добролюбова, Чернышевского и Плеханова силе и убедительности *педагогических* приемов их критики, которая не ставила целью лишь порицание писателя, а видела свою святую обязанность в том, чтобы *воспитывать*.

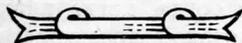
В оценке новаторского по самой своей природе творчества Горького Плеханов допустил не одну ошибку. Но нельзя забывать, что в данном случае ошибался не он один, не во всем были правы и такие крупные критики-марксисты, как Луначарский и Воровский. Кроме того, достоинства работ Плеханова о Горьком несомненно превосходят те ошибки, которые он при этом сделал.

Высказывания Плеханова о Горьком приобретают особый вес на фоне литературной критики и журналистики конца XIX—начала XX века. Ведь когда стало ясно, что из Горького не выйдет певец босячества и нищезанец, идейное и художественное значение его творчества продолжали ценить очень немногие. Плеханов же относился к числу критиков, которые, наоборот, обратили особое внимание на писателя после того, как он перестал подавать надежды приверженцам Ницше. Отзывов Плеханова о первом периоде творчества Горького мало, но их достаточно для того, чтобы отчетливо представить его точку зрения.

⁸⁴ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XIV, стр. 189.

Это прежде всего характеристика рассказа «Тоска»; затем известный нам из воспоминаний Л. И. Аксельрод-Ортодокс отзыв Плеханова о творчестве молодого Горького в целом (Л. И. Аксельрод-Ортодокс писала, что Плеханов признавал в писателе большой и незаурядный талант, но его «коробила грубость формы, малая степень эстетической культуры, да и не соответствовала в творчестве Горького общему направлению Плеханова романтика босяков»);⁸⁵ наконец, письмо Плеханова к И. И. Аксельрод от 29 апреля 1907 года, где, сообщая свое мнение об ее статье, он писал: «Не так сильно, как это было бы желательно, изображены недостатки первого периода творчества Горького, того периода, когда он сам увлекался красивыми пьяницами».⁸⁶ Разумеется, эти отзывы не исчерпывают плехановского отношения к раннему творчеству Горького. Плеханов был самого высокого мнения о «Старухе Изергиль», восторженно принял «Песню о Буревестнике». Романтическая линия в раннем творчестве Горького ему нравилась несравненно больше, чем рассказы «босяцкого цикла».

Горький был дорог Плеханову прежде всего как «буревестник пролетарской революции» и «певец подвигов», и в этих качествах Плеханов считал его «настоящим Монбланом» в литературе XX века. Чрезвычайно ценил он Горького и как бытописателя эпохи, у которого «может многому научиться самый ученый социолог».⁸⁷ В его произведениях критик находил «целое откровение», особенно привлекательное в соседстве с замечательным художественным талантом, мастерством рассказчика и превосходным владением русским языком. Плеханов любил в Горьком подлинно народного писателя-самородка, «у колыбели которого не стояли иностранные бонны», а который вышел из самых глубин народа и посвятил свою жизнь и свое творчество служению народу.

⁸⁵ Л. И. Аксельрод. Об отношении Г. В. Плеханова к искусству, по личным воспоминаниям. В кн.: Г. В. Плеханов. Искусство. М., 1922, стр. 14.

⁸⁶ Дом Плеханова, А.93.11, № 12820.

⁸⁷ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. 2, стр. 515.

НОВОЕ В ЖИЗНИ—НОВОЕ В ДРАМЕ

Новаторство советской драматургии, как и новаторство всей советской литературы, рожденной Октябрем, — одна из важнейших проблем, не теряющих ни своей остроты, ни своей актуальности. Споры вокруг нее сопровождали советскую драматургию на всем протяжении ее полувековой истории. Не было ни одного значительного драматурга, который бы не задумывался над тем, какие обязательства накладывает на него обращение к новой действительности. А. Афиногенов заметил однажды: «Один из основных элементов работы — уловление нового, из которого складывается наша жизнь».¹ Под этими словами могли бы подписаться многие советские драматурги, неизменно связывавшие свой творческий поиск с требованиями времени.

В 1934 году Н. Погодин писал: «Специфика драмы такова, что ее законы целиком идут от общественных столкновений своего времени; а так как драма строится на столкновениях и из них выковывается ее форма, то законы общественной жизни прямо и резко влияют на построение пьесы, на ее форму».² Можно оспорить излишнюю категоричность утверждения — «прямо и резко». Но основной тезис справедлив: жизнь в ее историческом движении является соавтором драматурга, и не только тогда, когда питает его мысль, подсказывает ему новые темы, конфликты, характеры, но и тогда, когда рождаются новые формы.

На изучении опыта советской драматургии с этой стороны отрицательно сказывается недостаточное внимание к специфике драмы как литературного рода, отсутствие ясности в вопросе о том, существуют ли формальные, структурные законы драмы или воздействие движения жизни на драму таково, что об объективных законах здесь и говорить не приходится.

В истории драматургии можно найти немало примеров, когда художник, избравший драматическую форму, тяготился ее условностями и испытывал радостное облегчение, когда решался их отбросить.

Что же касается критиков, то одних забота о процветании советской драматургии заставляет настойчиво напоминать о существовании объективных законов драмы; других та же самая забота побуждает говорить драматургам, что законы эти писаны не для них, что они нужны только ремесленникам, а у истинного таланта нет других обязательств, кроме обязательств слушать запросы своего времени и отвечать на них. Вот одно из последних, но далеко не единственное заявление, очень темпераментное и примечательное именно своей апологией разрушения объективных законов драматургии. Оно принадлежит И. Вишневской: «... рушатся кое-какие доселе непреложные объективные „основы“ старой драматургии. Конфликт — основа, слово — основа, действие — основа, ха-

¹ А. Н. Афиногенов. Статьи. Дневники. Письма. Воспоминания. Изд. «Искусство», М., 1957, стр. 39.

² Н. Погодин. К съезду писателей. «Театр и драматургия», 1934, № 8, стр. 9.

86

~~43~~

~~С-30~~

Отт.

3139

Инв. кн. №2